

# ТЕКСТ. КОНТЕКСТ

---

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-92-102

**А. В. Кубасов<sup>1</sup>***Уральский государственный педагогический университет*

## **БИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ГУСЕВ»**

Статья посвящена анализу биографического и литературного контекстов рассказа А. П. Чехова «Гусев» (1890). В исследовании описаны литературная и биографическая генеалогии заглавного героя. Цель работы – рассмотреть Александра Чехова, старшего брата писателя, в качестве одного из прототипов, обуславливающего профанный компонент образа Гусева. Рассказ рассматривается как «литературный подарок», привезенный Александру Чехову из путешествия Антона Павловича на Сахалин. Отмечена значимость жанрового своеобразия «Гусева» как рождественского рассказа, сближающая его с другими аналогичными произведениями Чехова. Доказывается амбивалентный характер заглавного героя, сочетающего в себе драматическое начало с комическим, трагическим. Делается вывод о том, что Гусев – цельный художественный образ, созданный творческой активностью автора с опорой на гетерогенные прототипы. Результаты исследования могут найти применение в практике анализа прозы Чехова, а также в работах биографического характера.

**Ключевые слова:** А. В. Чехов, «Гусев», прототип, литературный контекст, жанр рождественского рассказа, профанность

**A. V. Kubasov***Ural State Pedagogical University*

## **BIOGRAPHICAL AND LITERARY CONTEXT OF A. P. CHEKHOV'S STORY "GUSEV"**

The article is devoted to the analysis of biographical and literary contexts of A. P. Chekhov's story "Gusev" (1890). The study describes the literary and biographical genealogy of the title character. The purpose of the work is to consider Alexander Chekhov, the writer's elder brother, as a prototype that determines the profane component of Gusev's image. The story is considered as a "literary gift" brought to Alexander Chekhov from Anton Pavlovich's trip to Sakhalin. The significance of the genre originality of "Gusev" as a Christmas story is noted, bringing it closer to other similar works by Chekhov. The ambivalent nature of the title character is proved, which combines a dramatic beginning with a comic, travesty beginning. It is concluded that Gusev is an integral artistic image created by the creative activity of the author based on heterogeneous prototypes. The results of the study can be used in the practice of analyzing Chekhov's prose, as well as in biographical works.

**Keywords:** Anton Chekhov, "Gusev", prototype, literary context, Christmas story genre, profanity

---

<sup>1</sup> Александр Васильевич Кубасов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья Уральского государственного педагогического университета. E-mail: kubas2002@mail.ru.

Рассказ «Гусев» относится к постсахалинскому творчеству писателя, к тем редким произведениям, в которых прямо отразилась поездка писателя на каторжный остров. Обычно содержание рассказа раскрывается с помощью инструментария имманентного анализа [Хаас, 1999]. Однако «чистый» имманентный анализ – условность, не достижимая на практике. М. М. Бахтин в работе «К методологии гуманитарных наук» намечает подход к тексту, в котором снимается оппозиция имманентности и контекстуальности, связанной с историчностью: «Историчность. Имманентность. Замыкание анализа (познания и понимания) в один данный текст. Проблема границ текста и контекста. Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами. Комментирование. Диалогичность этого соотнесения» [Бахтин, 1986, с. 384]. Одним из компонентов контекстно-исторического подхода к произведению является поиск и обоснование прототипов для героев данного текста. Проблема прототипа связана с биографическим субстратом произведения. Он влечёт за собой обращение к литературному контексту. Тот и другой находятся в диалогических отношениях как между собой, так и с текстом произведения, образуя в совокупности сложное единство.

Прототип в литературе легко выявляется, когда на него есть авторские указания в письмах, мемуарах или черновиках. Без такого рода опоры определить прототип оказывается проблематично в силу высокой меры условности литературы, возможности его маскировки разными способами. Прототип и связанный с ним образ-персонаж могут быть помещены в не совпадающие по месту и времени ситуации, наделяться различающимися приметами внешности, действовать по-разному и т.д. Прототип совпадает с образом-персонажем не полностью, а только в каких-то элементах, важных для автора. При этом аллюзивный след прототипа сохраняется в структуре образа, и эти аллюзии небезразличны для понимания смысла героя и произведения в целом.

Существуют разные позиции по проблеме прототипа в творчестве Чехова. М. П. Громов, например, считал, что «проблема прототипа, поскольку речь идёт о чеховском творчестве, – это частный аспект монографического изучения некоторых, очень немногих рассказов, но не общий универсальный вопрос. В рамках целого, в таких категориях, как “художественный мир”, “повествовательная система”, “проза Чехова”, вопрос о прототипе не ставился в силу очевидной бессодержательности. Нет смысла выявлять, кто из реальных лиц был злоумышленником, кто – хамелеоном и т.д. Традиционно-романические представления о прототипе не нужны для “Палаты № 6”, “Скрипки Ротшильда”, “Чёрного монаха”, “Вишневого сада”, для полного состава чеховской драматургии и прозы» [Громов, 1989, с. 298]. Со сказанным можно согласиться лишь отчасти: для широкого читателя, действительно, соотнесение героя с прототипом оказывается «бессодержательным». Однако для исследователя такого рода связь оказывается эвристически значимой, поскольку позволяет прояснить художественную логику автора произведения, уточнить смысл образов героев-персонажей.

В комментарии к рассказу Чехова «Гусев», написанном для академического собрания сочинений В. Б. Катаевым и В. А. Краснощековой, отмечено сахалинское происхождение «идей и образов» [Чехов, 1977, т. 7, с. 682]<sup>2</sup>. Комментаторы указывают на прототип заглавного героя: «...образ Гусева в важнейших чертах совпадает с обликом невымышленного героя VI главы “Острова Сахалина” – каторжного Егора, с которым Чехов познакомился на острове» (т. VII, с. 682). Названы и документальные свидетельства связи реального лица с прототипом, подтверждающие её объективный характер: «По просьбе Чехова сахалинский чиновник Д. О. Булгаревич записал и 22 октября 1890 года выслал ему рассказ Егора о своей жизни; получил его Чехов как раз ко времени работы над “Гусевым”. Чехов ввел в речи героя своего рассказа некоторые подробности, услышанные им от Егора и записанные затем Булгаревичем» (т. VII, с. 683). Есть и другие жизненные впечатления писателя, отразившиеся в герое рассказа. В вахтенном журнале парохода «Петербург», на котором Чехов возвращался на родину, 29 октября сделана запись: «В 3 ч. предали воде тело умершего бессрочно-отпускного рядового Федора Кудрявцева» [Летопись жизни..., 2000]. В какой-то мере этого рядового тоже можно признать одним из прототипов Гусева. Чехов, по-видимому, в процессе создания образа героя чаще всего контаминировал особенности разных реальных лиц, детали их жизни. Показательно, что на вопрос о прототипе Николая Степановича из «Скудной истории» он ответил: «Это – лицо собирательное, хотя многое взято с Бабухина» (т. VII, с. 670). Собирательным лицом является и заглавный герой «Гусева».

Кроме того, к «каторжному Егору» из «Острова Сахалин» и Федору Кудрявцеву как прототипам Гусева, на наш взгляд, надо добавить ещё одного человека – Александра Чехова. Опорой для установления такой связи является переписка братьев Чеховых.

Типы обращений Антона Павловича к старшему брату отличает креативность, создание окказиональных имен собственных, намекающих на актуальность текущих ситуаций или событий. Первое обращение Антона к Александру как к «Гусеву» встречается в письмах, датированных 30 и 31 января 1887 года (П II, с. 23). Такое обращение мотивировано тем, что Александр, будучи посредником между братом и петербургскими изданиями, видимо, иногда не совсем порядочно вёл себя в финансовой сфере. Попросту говоря, присваивал себе толику денег из причитавшихся брату. В письме 31 января, кроме обращения Антона к брату как к «Гусеву», есть ещё и условное изображение в профиль лица, которое можно интерпретировать как эквивалент обращения как к «роже», но в смягченном невербальном варианте: «Гусев! Деньги получены, но не сполна: многое ты ужулил. Напрасно ты получил в “Новом времени”: потрачу, а в конце февраля нечего будет кушать» (П II, с. 23). Позднее обращение к брату как к Гусеву будет повторяться

<sup>2</sup> Произведения и письма А.П. Чехова цитируются по этому изданию: [Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Соч: в 18 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1982]. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы. Серия писем обозначена П.

в письмах Чехова (П II, с. 49, 85, 109, 114, 115, 120, 125, 127, 134, 136 и др.). Иногда обращение варьируется – «Милый Гусопуло!», «Гусиади!», «Гуськов!» (П II, с. 184, 202, 258). Поневоле тут вспоминается рассказ «Лошадиная фамилия», построенный на подборе синонимических вариантов фамилии с заданным семантическим ядром.

Письма старшего брата, адресованные Антону, до сентября 1887 года обычно завершались нейтральной подписью – «А. Чехов» или «Твой А. Чехов». То, что Александр более полугода не поддерживал ироническое обращение к себе как к «Гусеву», косвенно свидетельствует о том, что он всё же признавал свою вину перед братом. Письмо от 1 октября 1887 года начинается ироническим обращением к брату – «Гейним» и впервые заканчивается подписью – «Tuus Гусев» [Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова, 1939, с. 174–175]. С этого времени Александр будет на все лады варьировать этот, говоря современным языком, «никнейм». Перечислим лишь некоторые его варианты – «Фердинанд Гусев», «Господин Гусев», «Гусиных», «Tuus Полугусев», «Tuus Гусятницын» [Письма А.П. Чехову..., 1939, с. 180, 185, 192, 193]. Обратим особое внимание на письмо Александра, написанное 30 декабря 1890 года, то есть пять дней спустя после публикации рассказа «Гусев» в рождественском номере «Нового времени», который Александр, несомненно, прочитал, так как служил в этой газете. В письме передана его реакция на рассказ брата: «Очень жалею, <...> что тебя не раздавило на Цейлонской железной дороге: одним громким происшествием меньше. <...> Кроме того, не могу умолчать о том, что ты на пути к Сахалину и к славе сделал громадную ошибку, не взяв с собою репортёра, который воспевал бы тебя за два часа до совершения тобою мнимых подвигов. <...> От твоего “Гусева” весь Питер в восторге» [Письма А.П. Чехову..., 1939, с. 237–238]. В письме просвечивает зависть Александра к младшему брату, которую тот хорошо чувствовал: «Возьми в рот штаны и подавись ими от зависти», – писал он по возвращении с Сахалина (П IV, с. 153). Однако самое важное для нас в приведённом письме Александра от 30 декабря – его подпись. Он подписывает свой отзыв о рассказе «Твой Гусев, Уткин, но не Чехов» [Письма А.П. Чехову..., 1939, с. 238]. Такой формой завершается только это письмо. Признавая себя Гусевым, даже Уткиным, и отказываясь при этом от своей реальной фамилии, Александр фактически свидетельствует о том, что он разглядел в рассказе нечто, роднящее его с заглавным героем рассказа.

Александр всегда пристрастно читал произведения младшего брата. Кроме того, он воспринимал их сквозь оптику знания реалий, в равной степени известных как ему, так и Антону, а также сквозь призму установившегося между ними кода, который позволял обоим улавливать, помимо явного, еще и скрытое содержание в текстах друг друга. Речь идет о биографическом коде, обуславливающим возможность видения содержания произведения в двойном ракурсе. Один смысл произведения был открыт и понятен всем читателям, тогда как просвечивающий сквозь него дополнительный, *аллюзивный смысл* был доступен только тем, кто обладал необходимой пресуппозицией, основанной на знании биографических реалий.

Что же мог взять Чехов от старшего брата при изображении Гусева? Бессрочноотпускной – человек бессемейный, в этом он больше похож на самого биографического автора рассказа, чем на Александра. Можно допустить, что рядовой Гусев пошёл в солдаты вместо брата. Оставшийся на родине Алексей Гусев и его семья – самые близкие для «бессрочноотпускного» люди. Они и представляются ему в больном воображении, на грани яви и полубреда. Напомним, что имена *Алексей* и *Александр* являются этимологически родственными. Гусев говорит, обращаясь к солдату: «Брат у меня дома, знаешь, не степенный: пьяница, бабу зря бьет, родителей не почитает» (т. VII, с. 337). Эти фразы Александр Чехов вполне мог спроецировать на себя, помня, конечно, о том, как брат обращался к нему – «Пьяница!», «Раскаившийся пьяница!» (П II, с. 26, 58). Однако за этой фразой тут же следует другая, которая в гораздо большей степени относится уже к Антону, чем к Александру: «Без меня всё пропадет, и отец со старухой, гляди, по миру пойдут» (т. VII, с. 337). Чехов прибегает к излюбленному приёму контаминации, когда герой сочетает в себе элементы, связанные с разными прототипами. При этом биографический автор не отделяет себя в данном случае от брата, а в какие-то моменты сливается с ним. Поэтому оценочное слово «обличает», используемое исследователями для передачи авторской позиции в произведениях Чехова, в большинстве случаев оказывается неуместным или недостаточно точным.

Ещё одной возможной отсылкой в сторону Александра являются упоминаемые в рассказе племянники Гусева: «Из двора, пятого с краю, едет в санях брат Алексей; позади него сидят сынишка Ванька, в больших валенках, и девчонка Акулька, тоже в валенках. Алексей выпивши, Ванька смеется, а Акулькина лица не видать – закуталась» (т. VII, с. 328). Идиллическая лубочная картинка деревенской жизни, кажется, не имеет отношения к петербургскому быту Александра. Мера трансформации жизненного материала в данном случае выше, чем в разобранный ранее фразе. У Александра была дочь Мария, Мося, умершая в младенчестве ко времени написания «Гусева», и двое сыновей, названных в честь братьев – Николай и Антон.

– Не ровен час, детей поморозит... – думает Гусев. – Пошли им, господи, – шепчет он, – ума-разума, чтоб родителей почитали и умней отцаматери не были...

– Тут нужны новые подметки, – бредит басом больной матрос – Да, да!» (VII, с. 328).

Прописные истины, которые Гусев шепчет про себя, выдержаны в манере Павла Егоровича Чехова. После слов Гусева, в которых Александр не мог не почувствовать манеру «Палогорыча», следует «посторонняя» реплика о подметках, которая профанирует дидактический пафос прототипических реплик отца.

В отраженном виде «максимы» и излюбленные речевые обороты отца братьев Чеховых, иногда с намеренным нарушением орфографии, вкраплены в их

переписку: «Нада слушаться» (П II, с. 23); или: «Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат наш Александр!» (П III, с. 200). В первом же письме Александру по возвращении с Сахалина сообщается: «Теперь я живу дома с родителями, которых почитаю. <...> Очень хочется повидаться с тобой; хотя ты и необразованный человек и притом пьяница, *но все-таки я иногда вспоминаю о тебе*» (П IV, с. 153). В письмах Чехова практически отсутствуют места, которые говорят им попусту, ради красного словца. Так что слова о том, что сахалинский путешественник вспоминал брата, можно экстраполировать и на рассказ.

Приведём ещё один пример, который показывает работу автора рассказа по созданию добавочного аллюзивного сюжета. В том же 1887 году, когда возникло прозвище Гусев, Чехов начинает февральское письмо Александру с обращения: «Голова садовая!» (П II, с. 32). Вторая главка «Гусева» заканчивается диалогом заглавного героя с одним из обитателей судового лазарета:

- Ты, Степан, воды выпей... – говорит матрос – На, братишка, пей.
- Ну, что ты его по зубам кружкой колотишь? – сердится Гусев. – Нешто не видишь, *голова садовая?*
- Что?
- Что! – передразнивает Гусев. – В нем дыхания нет, помер! Вот тебе – и что! Экий народ неразумный, господи ты боже мой!...» (т. VII, с. 331–332).

Соотнесение выражения *голова садовая* из письма с художественным контекстом рассказа рождает в последнем привкус профанности, распространяющейся на весь ближайший контекст. Проблема заключается в том, что профанность эта имплицитна. Уместно напомнить в данном случае о восприятии Баратынским «Повестей Белкина». Пушкин, как известно, писал, что его товарищ «ржёт и бьётся», читая их. Возможность похожей реакции была и у Александра, владевшего необходимым ключом для декодирования текста рассказа, распознавания его двойного смысла. Такому восприятию мешало, однако, ревнивое отношение старшего брата к успехам младшего. Если «каторжный Егор» из «Острова Сахалина» и Федор Кудрявцев – прототипы серьёзные, связанные с социальной проблематикой рассказа, то Александр Чехов – прототип профанный, трагический, связанный с ироническим модусом повествования. Рассказ «Гусев» в таком случае может быть прочитан не только как «социально-философское произведение с экзистенциальной проблематикой» [Капустин, 2021, с. 108; Стрельцова, 2021, 97], но ещё и в праздничном ключе, как своего рода «литературный подарок» Чехова брату Александру, привезённый ему из сахалинского путешествия. Ни социальный, ни философский, ни трагический-профанный аспекты рассказа по отдельности не могут быть признаны самодостаточными. Все они должны пониматься как неразложимое целостное единство идей, образов, интонации.

Подход к «Гусеву» как амбивалентному серьёзно-смеховому произведению роднит его с «Островом Сахалином». Очерковую книгу, как и рассказ, чаще всего изучают как сугубо серьёзный текст, в отрыве от его смехового компо-

нента. Между тем, Чехов не шутил, когда писал о книге: «Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим “Сахалином” научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко и работа моя закипела, хотя и *вышла немножко юмористической*» (П V, с. 217). Повествователь в «Острове Сахалине» многолик, одной из его масок, которые он примеряет на себя, является маска чудачка, этакого русского Паганеля, оказавшегося на экзотическом острове. Неоднородность тона повествования присуща и «Гусеву». Безличный повествователь предстаёт в рассказе не как образ, а как голос, звучащий то бесстрастно и объективно, то иронически, а в конце рассказа лирически.

Обратимся к литературному контексту, обуславливающему смеховое начало в рассказе. Возникает вопрос: есть ли у фамилии Гусев, помимо биографического аспекта, еще и литературная генеалогия? Отсылки к каким текстам она может содержать? Прежде всего, стоит указать на сборник Н. А. Лейкина «Гуси лапчатые» (1881), который был хорошо знаком обоим братьям, как и сам автор книги, редактор и издатель юмористического журнала «Осколки». Выражение «гусь лапчатый» является употребительной идиомой. Словарь В. И. Даля трактует её так: «*Гусь лапчатый*, челов. себе на уме» [Даль, 1989, с. 410]. Другие значения этого выражения – недалёкий простоватый человек, но вместе с тем хитрец, пройдоха. Лейкин показывает в своих рассказах многочисленные разновидности таких «гусей лапчатых» из самых разных социально-профессиональных групп. В его сборнике нет персонажа, которого можно было бы прямо соотносить с чеховским Гусевым, скорее можно говорить об общем типе героя. В одном из рассказов сборника есть фрагмент, который проецируется на рассказ Чехова по принципу типологической связи. Рассказ Лейкина называется «Что такое Тихий океан?». Фабула его незамысловата: в знойный летний день собравшиеся на речную прогулку по Неве пассажиры в ожидании, когда пароход отчалит от берега, беседуют между собой. Приведем разговор флотского музыканта и купца:

– А вы, кавалер, бывали на Тихом-то океане?

– Самому не трафилось бывать... Я только до Ревеля... А товарищи бывали, так сказывали. Такая тишина, что ужаси, даром что океан. Сверху синие небесы, а снизу синяя вода, и не разобрать, по чему плывём: по небу или по морю.

– Китов поди много? – поинтересовался купец.

– Много-то много, да ведь что ж они супротив железного судна поделают?

– Так-то так. А ежели кто пьяненький да на корабле зазеваётся? Кит живо его языком с палубы слизнёт. Вот Иону проглотил же.

– Ну, уж коли в плаванье, – держи себя в аккурате и не пей [Лейкин 1881, с. 224].

Флотский музыкант и купец уверенно рассуждают о том, чего не знают. Гусев, хотя и плывёт не по Тихому океану, тоже говорит о рыбине, на которую может наехать судно. В письме Лейкину Чехов вскоре после возвращения с Сахалина отмечал, что «плавал по Татарскому проливу, *видел китов*» (П IV, с. 141). Упомянутый купцом в рассказе Лейкина Иона является структурообразующим образом в рассказе Чехова «Тоска». Скорее всего, библейский Иона крещёному Гусеву тоже знаком, он похож на него тем, что тоже проглочен, только не рыбиной, а пароходом. Судовой лазарет, где происходит основное действие рассказа, находится где-то внизу корабля, что рождает очевидную аллюзию на преисподнюю [Доманский, 2001]. И Гусев, и Иона Потапов поглощены тоской: один из-за умершего сына, а другой – по родине и близким людям.

При интерпретации «Гусева» недооценивается место и время его первой публикации и, как следствие, жанровое своеобразие. Чехов писал рассказ как рождественский, специально предназначенный для газеты «Новое время». Поэтому он оказывается в родстве с такими произведениями, как «В рождественскую ночь» (1883), «Страшная ночь» (1884), «На пути» (1886), «Ванька» (1886), «Сапожник и нечистая сила» (1888). Всем им присущ ряд содержательно-смысловых особенностей, связанных с традициями профанности, травестии и особого рода фантастики.

Говоря о генезисе номинации заглавного героя рассказа «Гусев», имеет смысл обратиться к «Каштанке» (1887), тоже рождественскому рассказу. Одним из цирковых товарищей собаки является гусь Иван Иванович. У гуся его имя и отчество – кличка. У Гусева в рассказе нет ни имени, ни отчества. Фамилия его не вполне фамилия или, точнее, не только фамилия. Вдобавок она является прозвищем, что поддерживается письмами Александра и Антона. Близость Гусева и гуся Ивана Ивановича из «Каштанки» проявляется в том, что, будучи литературными образами, а не только воображаемыми реалиями, они допускают сравнение: автор им обоим уготовил общую участь – смерть. В юмористике распространены приёмы создания комического были связанные между собой персонификация животных и анимализация личности. Персонификация предполагала изображение по модели человека: «Каштанка *обиженно* заскулила, а гусь вытянул шею и *заговорил о чем-то быстро, горячо и отчетливо*, но крайне непонятно» (т. VI, с. 435). Анимализация, наоборот, характеризуется изображением людей по модели животных. Прямое уподобление человека гусю есть в повести «В овраге»: «*Муж-то глухой, глупый*, – продолжал Яков, не слушая Костыля, – *так, дурак-дураком, всё равно, что гусь*. Нешто он может понимать? Ударь гуся по голове палкой – и то не поймёт» (т. X, с. 180). Анимализированный Гусев проецируется на тип «гуся лапчатого», а Павел Иванович – на индюка, «индейского петуха», не потому ли и океан в рассказе назван не Индийским, а «Индийским» (т. VII, с. 329). Рассказ Чехова «Индийский петух» (1885) может быть включён в автоинтертекст «Гусева». Неявная анимализация героев в рассказе Чехова создаёт смеховой фон. Уместно вспомнить в этом случае замечание М. М. Бах-



тина в книге о Ф. Рабле: «Смешение человеческих и животных форм – один из характернейших и древнейших видов гротеска» [Бахтин, 1990, с. 123]. Конечно, гротескные формы у Чехова существенно редуцированы, но всё же их связь с народной архаикой очевидна.

Говоря о литературном контексте рассказа, нельзя оставить без внимания рассыпанные по всему тексту аллюзии на Гоголя. Вспомнить писателя побуждает особенность именослова в его произведениях: «Гоголь. Мир без имён, в нём только прозвища и клички разного рода» [Бахтин, 1986, с. 378]. Подробно мы уже разбирали аллюзии в «Гусеве», связанные с Гоголем [Кубасов, 1998], поэтому отметим только то, что сближает Александра с гоголевскими персонажами. Рассказ заканчивается профанным «портретом» умершего Гусева, которого зашивают в парусину, после чего он «становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко» (т. VII, с. 338). В рамках контекста рассказа это напоминает о «голове садовой», которой Гусев дразнил непонятливого матроса и в которую он сам в конце концов превратился. В рамках гоголевского контекста профанный портрет Гусева побуждает вспомнить известные «овощные» портреты гоголевских Ивана Иваныча и Ивана Никифровича: у одного, как известно, голова была «похожа на редьку хвостом вниз», а у другого – «на редьку хвостом вверх». Вдобавок к сказанному напомним об Александре Чехове, к которому неспроста брат обращался как к «голове садовой». Так взаимодействуют, обогащая друг друга, биографический и литературный контексты.

В заключение предостережём от возможного ошибочного вывода, что в Гусеве «зашифрован» Александр Чехов. Ни каторжный сахалинец Егор, ни бессрочноотпускной Федор Кудрявцев, погребённый в море, ни Александр Чехов ни порознь, ни вместе не являются прямой проекцией Гусева. Они только своеобразные «зеркала», в которых отражаются разные грани драматического и одновременно комического, пародийно-трагического чеховского героя. Бессрочноотпускной Гусев – цельный художественный образ, созданный творческой активностью автора с опорой на гетерогенные прототипы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

**Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 445 с.

**Бахтин, М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1990. – 543 с.

**Громов, М. П.** Книга о Чехове / М. П. Громов. – Москва: Современник, 1989. – 384 с.

**Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1 / В. И. Даль. – Москва: Рус. яз., 1989. – 699 с.

**Доманский, Ю. В.** Статьи о Чехове / Ю. В. Доманский. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. – 95 с.

**Капустин, Н. В.** Рассказ А. П. Чехова «Гусев»: новое прочтение / Н. В. Капустин // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2021. – № 6(1). – С. 108–112.

**Кубасов, А. В.** «Гоголевский» рассказ Чехова («Гусев») / А. В. Кубасов // Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 250–269. – URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5944/1/top00058.pdf>. (Дата обращения: 18. 03. 2022).

**Лейкин, Н. А.** Гуси лапчатые: Юмористические картинки / Н. А. Лейкин. – Санкт-Петербург: Типогр. д-ра М. А. Хана, 1881. – 298 с.

**Летопись жизни и творчества А. П. Чехова.** Т. 2. 1889 – апрель 1891. – Москва: Наследие, 2000. – 568 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/lc-abc/1.htm?cmd=0>. (Дата обращения: 18. 03. 2022).

**Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова.** – Москва: Соцэкиздат, 1939. – 567 с.

**Стрельцова, Е. И.** Странный рассказ «Гусев» / Е. И. Стрельцова // Стрельцова Е. И. Наследник. Пространство чеховского текста. Статьи разных лет. – Москва: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2021. – С. 97–108.

**Хаас, Доменик** «Гусев» – светлый рассказ о мрачной истории / Доменик Хаас // Чеховский сборник. – Москва: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 1999. – С. 78–100.

**Чехов, А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А. П. Чехов. – Москва: Наука, 1974–1982.

#### REFERENCES

**Bakhtin, M. M.** Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bakhtin. – Moskva: Iskusstvo, 1986. – 445 s.

**Bakhtin, M. M.** Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa / M. M. Bakhtin. – Moskva: Khudozhestvennaja literatura, 1990. – 543 s.

**Chekhov, A. P.** Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. / A. P. Chekhov. – Moskva: Nauka, 1974–1982.

**Gromov, M. P.** Kniga o Chekhove / M. P. Gromov. – Moskva: Sovremennik, 1989. – 384 s.

**Dal', V. I.** Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T.1. / V. I. Dal'. – Moskva: Rus. yaz., 1989. – 699 s.

**Domanskiy, Yu. V.** Stat'i o Chekhove / Yu. V. Domanskiy. – Tver': Izd-vo, Tver. gos. un-ta, 2001. – 95 s.

**Kapustin, N. V.** Rasskaz A. P. Chekhova «Gusev»: novej prochtenie / N. V. Kapustin // Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki. – 2021. – № 6(1). – S. 108–112.

**Khaas, Domenik** «Gusev» – svetlyy rasskaz o mrachnoy istorii / Domenik Khaas // Chekhovskiy sbornik. – Moskva: Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor'kogo, 1999. – S. 78–100.

**Kubasov, A.V.** «Gogolevskiy» rasskaz Chekhova («Gusev») / A.V. Kubasov // Kubasov A.V. Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1998. – S. 250–269.

**Leykin, N.A.** Gusi lapchatye: Yumoristicheskie kartinki / N.A. Leykin. – Sankt-Peterburg: Tipogr. d-ra M.A. Khana, 1881. – 298 s.

**Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova.** T. 2. 1889 – aprel' 1891. – Moskva: Nasledie, 2000. – 568 s.

**Pis'ma A.P. Chekhovu ego brata Aleksandra Chekhova.** – Moskva: Sotsekizdat, 1939. – 567 s.

**Strel'tsova, E.I.** Stranny rasskaz «Gusev» / E.I. Strel'tsova // Strel'tsova E.I. Naslednik. Prostranstvo chekhovskogo teksta. Stat'i raznykh let. – Moskva: GTsTM im. A.A. Bakhrushina, 2021. – S. 97–108.